

С.П. Бычков

Философия истории Толстого

Всё решают чувства, а не разум, стихийные законы жизни, а не планы, реальные сражения, а не диспозиции. Эти мысли Толстого пронизывают всю художественную ткань «Войны и мира».

Таким образом, в этом величайшем эпическом произведении отчетливо проступает субъективное начало автора с его сильными и слабыми сторонами. Авторское я присутствует не только там, где Толстой живо откликается на современные ему политические и теоретические проблемы, становится страстным обличителем и патриотом, но и там, где он то и дело завязывает полемические сражения с шестидесятниками, и там, где он любуется танцем старого графа Ростова с Ахросимовой, описывает Наташу-мать. Всюду в малейших деталях настойчиво реализуется им определенная морально-этическая квалификация поступков героев, какого бы ранга они ни были, к какой бы группе, «положительных» или «отрицательных», ни принадлежали.

«Война и мир», может быть, одно из самых полемических произведений русской классической литературы: Толстой ниспровергает целые исторические концепции, утверждает свои взгляды на историю и ее закономерности, он не упускает ни одного случая, чтобы обличить ложь и фальшь буржуазных, особенно французских, историков, стремившихся возвеличить героя реакционной буржуазии — Наполеона. «Мы не знаем верно» о великих подвигах Наполеона в Египте, «потому что эти все великие подвиги, — едко замечает Толстой, — описаны нам только французами». Французская буржуазная историческая школа стояла на позициях апологетики, восхваления Наполеона.

Толстой, отвергая культ избранных героев, естественно не мог оставаться равнодушным и к защитникам Наполеона. На страницах «Войны и мира» он ведет с ними страстную полемику. Характерным в этом смысле является эпизод встречи Наполеона с платовским пленным казаком, который описывается Тьером как доказательство «простоты» Наполеона и его великодушия. Пленный, взиравший на Наполеона с наивным чувством восторга, был отпущен на свободу. У Толстого этот эпизод написан в другом ключе: его Лаврушка — плут, и сообщение ему о Наполеоне в действительности его не изумляет, но он прикидывается ошеломленным, заранее зная, что именно этого от него и ожидают. Толстой таким образом раскрывает фальшь бонапартистского историка, его пристрастное изображение личности Наполеона, обнажает высокопарность его стилизованных приемов, всех его описаний.

Толстой едко высмеивает буржуазную историографию, создавшую теорию «героических личностей», стоящих над массой и по собственной воле определяющих законы исторического развития. Он правильно указывает, что как Россия образовалась не «по воле одного человека — Петра Великого», так и Франция из республики сложилась в империю и начала войну против России не по воле одного человека.

Однако, справедливо полемизируя с буржуазными историками, абсолютизовавшими роль личности в истории, и указывая на решающую роль народных масс (или, по терминологии Толстого, «людских произволов»), писатель тут же впадает в другую крайность и придает своим рассуждениям теологическую окраску. Он утверждает, «что ход мировых событий предопределен свыше, зависит от совпадения всех произволов людей, участвующих в этих событиях, и что влияние Наполеонов на ход этих событий есть только внешнее и фиктивное»; «великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию, которые, так же как ярлыки, менее всего имеют связи с самым событием».

Таким образом, Толстой, отправляясь от глубоко гуманистических и демократических в своих истоках побуждений, приходит к явно ошибочным выводам, когда нигилистически отрицает роль личности в истории. Отсюда и проистекают его носящие религиозный характер убеждения о предопределенности всех исторических событий, обрекавшей человека на роль пассивного орудия провидения.

Толстой часто мыслит догматически, высказывается в категорической форме: «Для человеческого ума недоступна совокупность причин явлений. Но потребность отыскивать причины вложена в душу человека». Толстой сам оценивает попытки своих предшественников объяснить причины исторических событий сначала «волей богов» (самое «первобытное» объяснение), затем — волей «исторических героев» (буржуазная историография). По мысли Толстого, «воля исторического героя не только не руководит действиями масс, но сама постоянно руководима». Отсюда могут быть сделаны шаги в сторону материализма и в сторону идеализма. Толстой делает шаг в сторону идеализма, к «боженьке», утверждая, что воля исторического героя «руководима» провидением. Таким образом, детерминизм Толстого носил теологическую окраску. Рассматривая причины войны 1812 года, писатель полностью отрицает свободу человеческой воли, роль великих людей, — не они-де, мол, влияют на события, ибо «практические деятели» «тем не свободнее, чем выше они стоят в людской иерархии». Все они — и рядовые солдаты и полководцы, по мысли Толстого, были всего лишь «непроизвольными орудиями истории», всеми разнообразными помыслами и действиями этих людей руководило провидение.

Толстой остался далек от подлинно научного постижения законов исторического развития, ему был недоступен материалистический взгляд на историю, однако отдельные его высказывания по вопросам истории имели прогрессивное значение. Так, писатель решительно отверг то направление в буржуазной историографии, которое создало культ исторического героя (Карлейль, Тьер и др.), абсолютизировало роль личности в истории, и совершенно правильно указал на решающую роль масс во всех исторических событиях. Толстой писал, что для «уловления» законов истории, управляющих развитием человечества, необходимо изменить «предмет наблюдения»: надо оставить в покое «героев» буржуазно-дворянской историографии: царей, министров, генералов, и обратиться к изучению истории народных масс. «Прежние историки» отводили главную роль в исторических событиях «правителям» и игнорировали роль народных масс: «они описывали деятельность единичных людей, правящих народом; и эта деятельность выражала для них деятельность всего народа». Нет, заявляет Толстой, «жизнь народов не вмещается в жизнь нескольких людей». Следовательно, историки буржуазно-дворянского толка, занятые преимущественно историческими героями, были далеки от понимания подлинно народной истории, так как игнорировали историческую деятельность народных масс.

Замечательно, что в этом пункте своей исторической концепции Толстой неожиданно сходил с Добролюбовым, ставившим вопросы о «степени участия» народности в истории литературы, в истории родины и подвергавшим также критике буржуазную историографию за пренебрежение к народу.

«К сожалению, — писал критик, — историки никогда почти не избегают странного увлечения личностями, в ущерб исторической необходимости. Вместе с тем сильно выказывается во всех историях пренебрежение к народной жизни, в пользу каких-нибудь исключительных интересов. Так, например, у самого Карамзина мы находим, что вся история народа жертвована строгому и последовательному проведению одной идеи — об образовании и развитии государства российского. И самое развитие этого государства вовсе не представляется вытекающим из условий народной жизни, а является каким-то, чуть не административным, делом нескольких лиц. Народная жизнь исчезает среди подвигов государственных, войн, междоусобий, личных интересов князей и пр., и только в конце тома помещается иногда глава “о состоянии России”. Но и тут больше толкуется о наследственных правах удельных князей, о славе России между иноземными державами и т. п., нежели об интересах, прямо касающихся народа».

Призыв Толстого к изучению истории народа, народных масс был порожден несомненно 1860-ми годами, первым демократическим подъемом в стране. Однако в самом решении актуального для того времени вопроса Толстой совершал глубокие ошибки. Он понимал народ только как стихийную, «роевую» силу исторического процесса.

Философски осмысливая роль отдельного человека в исторических событиях, соотношение интересов отдельной личности и интересов общества, решая проблему: личность и общество, Толстой утверждал, что «личные интересы» «значительнее общих интересов», что «большая часть людей того времени не обращали никакого внимания на общий ход дел, а руководились только личными интересами настоящего».

Таков излюбленный ход мыслей Толстого в историко-философских отступлениях романа. Все это резко противоречило художественному повествованию, где писатель показывал органическую зависимость судьбы отдельного человека от общего хода военных дел. Отечественная война захватывала всех и влияла на все. Наташа Ростова и князь Андрей не могли думать о своем личном счастье не только потому, что не решена была судьба князя Андрея, но и потому, что не решена была судьба России: «Нерешенный, висящий вопрос жизни или смерти не только над Болконским, но над всей Россией заслонял все другие предположения».

Здесь мы имеем дело с глубочайшими противоречиями в мировоззрении Толстого. С одной стороны, утверждается социальная обусловленность жизни человека; с другой, предпринимаются все новые и новые попытки оторвать его от исторических событий, обосновать независимость частуой жизни от жизни политической, умалить роль разума, противопоставив ему стихийные биологические законы жизни — «только одна бессознательная деятельность приносит плоды». Эта постоянная война против разумного вмешательства в жизнь, защита «естественного» человека, изъятого из сферы общественных отношений, — одна из слабых сторон мировоззрения Толстого.

Другое дело отношения личности и государства. Толстой не раз и теоретически высказывает и художественно показывает, что жизнь частная и жизнь государственная — это два параллельных ряда, независимых друг от друга, что между интересами отдельной личности и интересами государства существует глубокая разобщенность. В этом он был исторически прав. В самодержавной России не могло быть гармонии интересов индивида и государства, потому что по самой своей сущности самодержавная власть подавляла личность. На этой почве и возникало между ними глубокое разобщение. Добролюбов указывал: «деятельность массы отдельных лиц у нас почти совершенно разъединена с общим течением дел». В этом плане идут размышления князя Андрея; когда Бицкий восторженно сообщил ему об открытии Государственного совета, о речи царя, князь Андрей подумал: «Какое дело нам до того, что государю угодно сказать в Совете! Разве все это может сделать меня счастливее и лучше?»

В исторических взглядах Толстого проявляются сильные и слабые стороны: сильные — в критике буржуазной историографии, слабые — в идее фатализма. На вопрос о том, какая сила движет народами, разные историки давали разные ответы: одни видели эту силу в «воле Наполеонов», другие — в действии «многих сил», третьи «в умственной деятельности». Отвергнув все эти объяснения, Толстой приходит к мысли о предопределенности всех исторических событий.

Слабость исторических взглядов Толстого заключается в том, что он остается в сфере морально-этических понятий, его высказывания носят абстрактный, внеисторический характер, он не признает классовый точки зрения при объяснении исторических явлений. Поэтому его определения нередко в сущности ничего не определяют и являются тавтологичными, крайне наивными и беспомощными (таким является, например, определение власти — эпилог, ч. II, гл. VI), а многие вопросы остаются совершенно без ответа: «Почему происходит война или революция? Мы не знаем».

Как подлинный гуманист, Толстой осуждает войну. Он не поднимается до определения ее социальной природы, не видит ее классового характера, но для него ясно, что война не только не вытекает из свойств человеческой природы, но и противоречит им. Толстой пишет: «Двенадцатого июня силы Западной Европы перешли границы России, и началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие». В дальнейшем он показывает всю жестокость и бесчеловечность войны. Конец Бородинского сражения. Десятки тысяч убитых и раненых. Земля пропитана кровью. Но голодные, измученные люди продолжали стрелять. Стал накрапывать дождик и как будто говорил: «Довольно, довольно, люди. Перестаньте... Опомнитесь. Что вы делаете?» Писатель осуждает войну, хотя и не понимает ее социальной природы. Он убежден, что война — это «страшное дело» — «совершается не по воле людей, а по воле того, кто руководит людьми и мирами», то есть по воле бога, по воле провидения.

Писатель в «Войне и мире» выражал точку зрения патриархальных крестьянских масс, высказывая мысль о предопределенности и роковом, бессознательном характере войны как таковой. Все это шло от представлений мужика, который, будучи бессилён объяснить какое-нибудь явление, говорил: «все от бога».

Решая вопрос о свободе и необходимости, писатель не видит диалектической взаимозависимости и взаимообусловленности этих двух категорий, определяющих поведение человека, не доходит до мысли, что «свобода есть осознанная необходимость».

Толстой создает теорию двух начал в человеке: личного и социального. И если в личной жизни человек, по его мысли, волен определять и свои цели и свои интересы, то в социальной сфере все его действия предопределены: «Есть две стороны жизни в каждом человеке: жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы». И еще: «Человек сознательно живет для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических общечеловеческих целей».

Таким образом, Толстой, во-первых, пытается разрушить представление о единстве человека как существа общественного, чисто метафизически выделяя и на одну доску ставя в нем две природы: биологическую и социальную, а во-вторых, его неправильное понимание закона необходимости ведет к тому, что он лишает человека всякого права на свободную, осознанную деятельность, отнимает у него всякую инициативу, свободу воли, утверждая его рабскую подчиненность законам стихийной жизни. Толстой в конечном счете приходит к мысли о фатальной предопределенности всего сущего.

Так замыкается круг исторических рассуждений Толстого. В его исторической концепции нет места свободной, исторически осознанной деятельности человека, направленной на преобразование мира. Человек участвует в исторических событиях бессознательно. Сознательное историческое творчество масс, живущих «роевой» жизнью, отрицается. Исторические личности никакого влияния на, события не имеют, так как каждое их действие «определено предвечно». Все зависимо, все подчинено еще неизвестным законам стихийной жизни человека и человечества, в истории которого совершается еще много неразумного, в частности войны, и поэтому возник фатализм: «Фатализм в истории неизбежен для объяснения неразумных явлений (то есть тех, разумность которых мы не понимаем)».

* * *

Основные положения исторической концепции, Толстого пронизывают образы Каратаева, Кутузова, Наполеона, которые в этом плане являются как бы художественными иллюстрациями к его теоретическим тезисам.

<...>

В прошлом находились исследователи, которые полагали, что «Война и мир» легко может обойтись без всех историко-философских отступлений. Так, историк русского

романа К. Головин считал, что все «философствование» Толстого — это «простой нарост на колоссальном здоровом теле, и нарост этот, как мох на стволе, можно снять, не повредив коры. Если из «Войны и мира», где субъективному философствованию отведено особенно широкое место, выкинуть все посторонние рассуждения, всю теорию исторического фатализма, роман останется пел и невредим, и ни одна из его фигур не утратит своей яркой рельефности».

Но дело-то в том, что в «Войне и мире» нет «посторонних рассуждений», поэтому было бы глубокой ошибкой механически выделять в произведении философскую струю, отсекая ее от художественной ткани. Да и трудно себе представить «Войну и мир» без этих отступлений, изъятие которых в сущности ничего не дает, так как религиозно-этические идеи писателя проникают и в художественные образы, находят свое отражение в тех или иных чертах героев.